

ФИГУРА Ф.Ф. КУКЛЯРСКОГО В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. В статье исследуется жизнь и творчество малоизвестного русского философа-нищеванца «серебряного века» Фёдора Фёдоровича Куклярского (1888-1923). Куклярский занимался проблемами истории философии и культуры, отстаивая пессимистическую позицию в отношении будущего развития мировой культуры. В работах, посвящённых культуре, разработал концепцию кризиса культуры. Куклярский разделял леонтьевское предсказание близости гибели Европы под тяжестью культурных сокровищ и создания самобытности русского культурного типа. Автор следующих опубликованных работ: «Философия индивидуализма» (СПб., 1910), «Последнее слово. К философии современного религиозного бунтарства» (СПб., 1911), «Осуждённый мир. Философия человекоборческой природы» (СПб., 1912), «Философия культуры. Идеалы человеческой культуры в свете трагического миропонимания» (Петроград, 1917), «Критика творческого познания (Обоснование антиномизма)» (Чита, 1923). Впервые в историографии русской философии приведены уточнённые и обновлённые биографические сведения о Ф.Ф. Куклярском, чья трагическая судьба повлияла на то, что имя философа в течение многих десятилетий было подвергнуто забвению.

Ключевые слова: Куклярский, русская философия, философия культуры, кризис культуры, Розанов, Леонтьев, Ницше, нищеванство, философия индивидуализма, идеалогия.

Фигура русского философа Фёдора Фёдоровича Куклярского (1888 — 1923)¹ почти неизвестна отечественному читателю, за исключением специалистов по истории русской философии «серебряного

века»². В самой биографии Куклярского немало белых пятен, начиная с приблизительной даты смерти и заканчивая неопределённой судьбой архива философа. Если сведения Н.Е. Дроботушенко верны и годом рождения Куклярского считается 1888-й, то этим фактом можно вполне объяснить, почему молодой философ не успел во всю силу заявить о себе, издав первую книгу в 22 года³, а в 1918–1919 годах, когда ему исполнилось всего 30 лет, бежав в Читу, где примерно в 35-летнем возрасте покончил жизнь самоубийством через повешение⁴.

¹ По поводу даты рождения Куклярского имеются разные данные. В одних источниках указан 1870 год (А.П. Козырев), в других — 1879 год (Г.В. Соловьёва), а в третьих — 1888 год (Н.Е. Дроботушенко). По словам Н.Е. Дроботушенко, автора статьи о Куклярском в «Энциклопедии Забайкалья» (<http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=3519>), 1888 год, во-первых, называют анкетные данные преподавателя Государственного института народного образования (ГИНО) в Чите, а, во-вторых, есть ещё одна дата в документах ГИНО: в 1906 году Куклярский окончил Керченскую гимназию — ему 18 лет. Н.Е. Дроботушенко сомневается, что если бы он родился в 1870 году, то был бы до 36 лет без гимназии за плечами, тогда как остальные даты, приведённые в статье, кажется, эту логику не нарушают (См.: Отчёт о деятельности ГИНО в Чите за 1921–1922 гг. Чита, 1922). А ведь в 1990-е годы в биографических сведениях о философе вообще не было годов жизни: Г.В. Соловьёва в своей кандидатской диссертации писала, что «предположительно он родился в начале 70-х годов XIX в.» (Соловьёва Г.В. Проблемы культуры в русской философии эпохи модернизма. Дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 1997. С. 117), а в статье 2001 года — указывает уже 1879 год.

² По мнению И.И. Толстиковой, имя Куклярского практически не известно даже в профессиональной философской среде (Толстикова И.И. Концепции кризиса культуры в русской философии начала XX века. Дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 1997. С. 10), однако сама исследователь сделала следующую описку: «Среди известных имён Н. Бердяева, С. Франка, Ф. Степуна, В. Соловьёва и других есть одно обойдённое молчанием имя ещё одного русского, который внёс свой вклад в понимание эпохи. Это Фёдор Фёдорович Куклярский» (Там же. С. 131).

³ Ср. с данными из розановского архива: «Куклярский Фёд. Фёд. (совершенно — оказалось — невозможный господин) лет 26–28–24?» (НИОР РГБ, ф. 249, ед. хр. 3876, № 9).

⁴ Согласно сведениям краеведа Забайкалья Е.Д. Петряева (Петряев Е.Д. Философская тетрадь библиофила. Маши-

По словам историка русской философии и культуролога М.С. Уварова, который одним из первых обратился к наследию философа, причём не столько ради историографического интереса, Фёдор Куклярский был наиболее известен как «яростный низвергатель традиционного русского стиля религиозного философствования, а также как критик культурфилософской концепции К.Н. Леонтьева. Несмотря на это, он разделял некоторые идеи последнего, касающиеся кризиса западной цивилизации и духовного возрождения России»⁵.

Биография Куклярского исследована весьма поверхностно. С одной стороны, можно предположить, что его философское творчество оказалось маргинальным для мейнстрима религиозного философствования рубежа XIX–XX веков (правда, маргинальным в точном смысле слова, то есть находящимся по краям, если хотите — у пропасти обсуждаемых проблем современности), а следовательно, по факту изучено крайне слабо. Однако, с другой стороны, наличие белых пятен в русской философии «серебряного века» ещё так много, что только сейчас происходит переоткрытие имён, ранее наскоро отнесённых к философам второго плана.

Тем не менее, как свидетельствует уже упомянутый М.С. Уваров, «русская философия — явление настолько своеобразное, что сводить все её достижения к традиционному «трактатному» контексту (как это принято в западной традиции) и не учитывать при этом многообразие других философических и общекультурных интенций, вряд ли вообще возможно. Тем более что в творчестве Куклярского трактатный стиль был вполне соблюден. Может, и по этой причине личная и литературная судьба Куклярского кажется необычной и по-особому загадочной. Он не был профессиональным философом, то есть не применял в академической среде или вузах, в институтах, в университетах свои способности. Скорее он был «человеком с улицы». Однако отвечая на вопросы аудитории после прочитанной лекции о Куклярском, М.С. Уваров уточняет свою по-

зицию: «...я ни в коей мере не отношу Куклярского к самодеятельным философам. Он был чрезвычайно образованным человеком, знал, судя по его текстам несколько языков, включая латынь. Ничего неизвестно о систематичности его образования, это правда. <...> Я не хочу сказать, что Куклярский не ощущал себя учителем, скорее всего, ощущал. Но его учительство — это профессиональная философия, основанная на глубоком знании ницшеанства, классической философии, творчества своих коллег русских философов, тонко чувствующего общую линию мировоззренческого катастрофизма, развитую, например, в работах Гуссерля, Бердяева, Шпенглера, того же Ницше. Так что это не самодеятельная, а профессиональная философия»⁶.

Другой точки зрения придерживается автор энциклопедической статьи о Куклярском в книге «Философы России XIX–XX веков» историк русской философии А.П. Козырев: «Упомянем ещё одного, совсем уж позабытого писателя Ф.Ф. Куклярского. Этот господин, появившись в Петербурге, за три года издаёт три книжки, в которых довольно бледно и неудачно подражает Ницше. Нашлось место на их страницах и Константину Леонтьеву. К слову сказать, сам автор был непримиримым противником христианства. Розанову он писал: «Могу без обиняков сказать, что я — ярый противник христианства и, пожалуй, Христа, но не знаю, насколько моя платформа близка к Вашей. Кроме Л. Шестова и Вас, я не вижу вокруг себя никого, кто мог бы сказать мне несколько утешительных слов»⁷. <...>

Я, может быть, и не стал бы обращать внимание на Ф. Куклярского, если бы не обнаружил в «Новом времени» розановского отзыва — сверхположительного — на эту книгу: цитированная мною глава названа «лучшей в русской литературе оценкой Леонтьева; причём автор настолько смел, — пишет далее Розанов, — что по *железной твёрдости натуры* ставит Леонтьева впереди Ницше, который был, в сущности, литератором-фантазёром, а не человеком действия и *требования*». Правда, в конце рецензии Розанов, словно испугавшись своего панегирика, оговаривается: «Мы не присоединяемся к этой оценке, уже по её молодому тону, да и вообще: но приводим её, для того чтобы показать, как переместился теперь тон речей о Леонтьеве в молодом по-

нопись. Вятка, 1993. Л. 9). См.: из письма Е.Д. Петряева — В.Ф. Асмусу от 26.07.1966: «Вскоре институт [ГИНО. — Прим. А.Н.] перевели во Владивосток, а Куклярского туда «не взяли», и он, оставшись в тёмной и холодной Чите, среди совершенно не понимающих его людей, оказался выброшенным из жизни, отсюда и его решение о самоубийстве...» (Петряев Е.Д. Философская тетрадь библиофила. Машинопись. Вятка, 1993. Л. 12).

⁵ Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова. СПб., 1998. С. 99.

⁶ http://www.rchgi.spb.ru/science/science_research/seminar_russian_philosophy/stenogramms/sotonin.php.

⁷ Розанов В.В. Сочинения: В 2-х т. Т. 2: Уединённое / Примеч. Е.В. Барабанова. М., 1990. С. 676.

колении писателей»⁸. Правда, потом Розанов пожалел о том, что дал г-ну Куклярскому столь лестный отзыв. О причинах этого можно узнать из приписки на папке с письмами Куклярского в розановском архиве: «Куклярский Фёд. Фёд. (совершенно — оказалось — невозможный господин) лет 26–28–24⁹? Очень красив, изящен: но “Дай денег”¹⁰. «Знай, с кем связываться», — сказал бы ему Леонтьев»¹¹.

Нам, честно говоря, не совсем понятна столь пристрастная оценка творчества Куклярского — человеком, который написал хорошую энциклопедическую статью о философе, по сути введя его имя в историографический оборот отечественной мысли, но сохранил к нему уничижительное отношение, сродни мнению другого исследователя русской философии, в частности творчества К.Н. Леонтьева, А.А. Королькова, который прокомментировал перепубликацию главы «К. Леонтьев и Фр. Ницше как предатели человека» (из книги «Осуждённый мир») следующим образом: [глава. — Прим. А.Н.] «не без основания может быть отнесена сегодня к разряду курьёзов»¹².

⁸ Розанов В.В. К изданию собрания сочинений К. Леонтьева // Новое время. 1912. 16 июня. № 13024.

⁹ Данный возраст, названный Розановым, подтверждает ранее принятую нами дату рождения Куклярского — 1888 год. Соответственно — на период знакомства с Розановым молодому философу было как раз около 25 лет, на что, кстати, Козырев не обратил должного внимания, сохранив в энциклопедической статье о Куклярском ошибочный 1870 год рождения.

¹⁰ НИОР РГБ, ф. 249, ед. хр. 3876, № 19. Л. 1.

¹¹ Леонтьев К.Н.: pro et contra. В 2-х кн. Кн. 1 / Вступ. ст. А.А. Королькова, сост., послесл. и примеч. А.П. Козырева. СПб., 1995. С. 427, 428.

¹² Там же. С. 462. Ср.: М.С. Уваров: [Корольков. — Прим. А.Н.] «упоминает работы Куклярского о Леонтьеве, но единственное замечание, которое он приводит, заключается в том, что эти работы не более чем курьез. Читая это, я только улыбнулся... Но я понимаю, что Леонтьев — любимая фигура профессора Королькова, и я знаю его мировоззренческие убеждения (которые, кстати, разделяю), в которые трудно вписывается слово Куклярского. Но, тем не менее, работы Куклярского о Леонтьеве чрезвычайно интересны. В частности, Куклярский подмечает характерные, с его точки зрения, особенности мышления своего оппонента. А они были именно оппонентами, хотя и Леонтьева, как вы знаете, тоже часто называют русским Ницше. Но вот кто из них был больше «русским Ницше»? Мне представляется, что всё-таки Куклярский, хотя Леонтьев давно приобщен к «клану» русского ницшеанства» (http://www.rchgi.spb.ru/science/science_research/seminar_russian_philosophy/stenogramms/sotonin.php).

По традиции Фёдора Куклярского зачисляются в лагерь русских ницшеанцев, хотя его имя практически не упоминается в соответствующей литературе. Ницшеанским пафосом наполнены три книги философа, которые тематически и хронологически можно отнести к первому периоду его творчества: «Философия индивидуализма» (СПб., 1910), «Последнее слово. К философии современного религиозного бунтарства» (СПб., 1911) и «Осуждённый мир. Философия человекоборческой природы» (СПб., 1912). Как теоретик культуры Куклярский показал себя во втором периоде, успев издать всего две книги: «Философия культуры. Идеалы человеческой культуры в свете трагического миропонимания» (Петроград, 1917) и «Критика творческого познания (Обоснование антиномизма)» (Чита, 1923). Помимо первой книги «Культура и познание» из диалогии «Философия культуры» упоминается вторая книга под названием «Культура и творчество», чья судьба неизвестна, хотя по информации, содержащейся в первой книге¹³, она готовилась к печати. Вероятно, вторая книга вышла под названием «Критика творческого познания», где идеи первой части получили более основательную проработку.

Также перу Фёдора Куклярского принадлежат две статьи о философском наследии Константина Леонтьева: «К. Леонтьев о “новом европейце”»¹⁴ (1912) и «Памяти К.Н. Леонтьева»¹⁵ (1912–1913). Василий Розанов, с которым Куклярский был лично знаком¹⁶ и благодаря которому он устроился в Санкт-Петербурге мелким чиновником (служил в Главном Управлении земледелия и землеустройства), оценивал критику Куклярским ницшеанства Леонтьева в качестве лучшего в русской литературе анализа творчества философа, однако впоследствии отказался от таких скоропалительных выводов, впрочем, сам Куклярский считал Розанова настоящим

¹³ Куклярский Ф.Ф. Философия культуры. Идеалы человеческой культуры в свете трагического миропонимания. Книга 1: Культура и познание. Петроград, 1917. С. 128.

¹⁴ Куклярский Ф.Ф. К. Леонтьев о «среднем европейце» // Новое время. 1912. 6 октября. № 13136.

¹⁵ Куклярский Ф.Ф. Памяти К.Н. Леонтьева: Литературный сборник. СПб., 1911 // Логос. 1912–1913. Кн. 1–2. С. 373–374.

¹⁶ Хотя в самом начале переписки Куклярский дважды извинялся перед Розановым за то, что вынужден обращаться к нему при помощи инициалов В.В.

другом Леонтьева, а последний отвечал взаимностью¹⁷. Помимо публицистических статей о К.Н. Леонтьеве Куклярский планировал также написать о нём «обстоятельную книгу», о чём сообщил в одном из писем к В.В. Розанову¹⁸.

Кроме этого, имеются сведения о трёх подготовленных к печати, но неопубликованных, работах: «Искания и Достижения (Путь к творческому всемогуществу)» (рукопись 1917–1918; небольшой фрагмент из этой книги приведён в самом конце «Критики творческого сознания»¹⁹), «Отблески (Сборник философских и публицистических статей)» и «Книга о России (Размышления)», которые, по данным Е.Д. Петряева, философ передал студентам в машинописи²⁰.

Тот факт, что Куклярский остался непризнанным философом, не делает его идеи менее ценными. Поистине — нельзя не согласиться с восклицанием А.К. Закржевского: «Удивительно, сколько ещё никому не известных кладов хранит в себе Россия! Творят они в одиночестве, в одиночестве пребывают, — и знают о них лишь одинокие и такие же страдающие, никем не понятые люди, как они сами... При жизни никто о них не знал и они не были никому нужны... Впрочем, это участь общая для всех истинно-глубоких художников; улица подхватывает и превозносит лишь то, что годится для улицы, а алмазы сохраняются за семью печатями до тех пор, пока случай не вытащит их на поверхность жизни...»²¹.

¹⁷ Ср.: Ф.Ф. Куклярский: «Исключением является В.В. Розанов, который подходит к Леонтьеву не с гуманными целями оправдать Леонтьева, а с кистью, запечатлевающей самые зловещие, самые подлинные черты Леонтьева. Но ведь то же самое было и при жизни Леонтьева, который видел в Розанове искреннейшего своего ценителя» (Там же. С. 374).

¹⁸ Ф.Ф. Куклярский: «...я хотел бы знать, не можете ли Вы выслать мне наложенным платежом все материалы, касающиеся К. Леонтьева. Хочу писать о нём обстоятельную книгу. Его сочинения разбросаны в разных газетах и журналах и, живя здесь, в Суме, я не могу ничего достать» (НИОР РГБ, ф. 249, ед. хр. 3876, № 9).

¹⁹ Куклярский Ф.Ф. Критика творческого сознания. Обоснование антиномизма // Труды Философского общества при Гос. институте народного образования. Т. I. Чита, 1923. С. 238. У М.С. Уварова имеются некоторые косвенные свидетельства, что данная книга есть в рукописи, если, конечно, вообще сохранилась.

²⁰ Петряев Е.Д. Философская тетрадь библиофила. Машинопись. Вятка, 1993. Л. 14.

²¹ Розанов В.В. Закржевский о Константине Леонтьеве // Новое Время. 1912. № 13080.

Философская манера Куклярского сформировалась из противопоставления религиозному стилю философствования с его гуманизмом и духовностью, дополняя последний в логике непримиримого антиномизма. Может быть, именно в связи с этим Т.В. Курбатова полагает, что «своеобразие Куклярского-мыслителя своими истоками уходит к традициям русского мессианского сознания. Отношение к России как к девственнице, отсталость которой хранит в себе скрытые потенциальные возможности — весьма характерно и для Ф. Куклярского, который свято верит в будущее России, но призывает вновь перечеркнуть прошлое»²².

В самом деле, наследие Куклярского, ни разу не переиздававшееся после его смерти, только сегодня начинает привлекать внимание исследователей русской философии. Сведения о философе приходится собирать буквально по крупицам, хотя марксистская историография расквиталась с ним ещё в 1923 году, когда в журнале «Под знаменем марксизма» появилась большая разгромная рецензия Г.К. Баммеля (Бажбеук-Меликова) на последнюю вышедшую в свет книгу Куклярского — «Критика творческого сознания». М.С. Уваров в книге «Архитектоника исповедального слова» так описывает этот случай: «Автор рецензии обвинил Куклярского и в «притяннутом за уши» теоретическом антиномизме, и в недостаточном почтении к Энгельсу, и в «ложном голом теоретизировании» по поводу противоречивой сущности бытия. «Думаю, — писал рецензент, — книга Куклярского не является ни «революционирующим вкладом в современную человеческую идеологию», ни созданием ума, «одухотворенного открывшимися перспективами в области революционно-культурного творчества». Ф. Куклярский написал пять книг. Ф. Куклярский напишет ещё не одну книгу. Ф. Куклярский напишет много книг. Они будут интересны всем, кто интересуется психологической подоплёкой современных потуг на философское сменовеховство»²³.

Вполне понятно, что после такого политического доноса на имени Куклярского был поставлен

²² Курбатова Т.В. Универсальный антиномизм творчества и созерцания в философии культуры Фёдора Куклярского // Русская философия: Преемственность и роль в современном мире. Ч. 1. СПб., 1992. С. 81.

²³ Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова. СПб., 1998. С. 97; Баммель Г.К. Рецензия на книгу «Критика творческого сознания (Обоснование антиномизма)» Ф.Ф. Куклярского // Под знаменем марксизма. 1923. № 1. С. 207–210.

крест, не говоря уже о том, что философу не повезло в 1922 году стать пассажиром ни одного из «философских пароходов», а тем более, следуя вражескому совету Г.К. Баммеля (1900-1939), написать и издать ещё несколько книг.

Ни разу не переиздававшийся после смерти, впавший в забвение ещё при жизни (приютившийся в тени Василия Розанова), несмотря на то, что после выхода второй книги «Последнее слово» её тираж был арестован и приговорён к уничтожению²⁴, а автор привлечён к суду за кощунство в печати, — вынужденный остаться неузнаваемым и после жизни, поскольку философская ниша оказалась занятой читателями Фридриха Ницше, Фёдор Куклярский может подать нам пример не стереотипного, а подлинно ницшеанского, восприятия идей немецкого мыслителя на русской почве, впрочем, не без некоторой карикатуры на первоисточник, о чём в истории отечественной философии немало примеров, а ницшеанская неприкаянность самого Куклярского тому лишь подтверждение²⁵.

В 1990–2000-е годы в России было издано много литературы, посвященной отечественному ницшеанству, однако нигде имя Куклярского почти не упоминается. Хотя для М.С. Уварова вполне очевидно, «что из всех русских ницшеанцев Куклярский самый не то что талантливый, это слово, может быть, не годится, но самый ортодоксальный, самый резкий, самый непримиримый и в этом смысле — яркий, яростный даже»²⁶, но чьё «ницшеанское служение» «ещё не стало предметом внимательного изучения историками русской философии»²⁷. Библиография о Куклярском, по подсчётам М.С. Уварова, в 1990-е годы насчитывала несколько небольших публикаций в различных изданиях (статьи Т.В. Курбатовой и М.С. Уварова),

одну энциклопедическую статью (А.П. Козырев), и два комментария (М.С. Каган²⁸ и А.А. Корольков). Имя философа не попало в достаточно полное справочное издание «Русские писатели XIX–XX веков», а также в 5-томную «Историю философии в СССР», изданной к 1988 году.

По мнению М.С. Уварова тот факт, что Куклярский замалчивался и при советской власти, и по-прежнему неизвестен широкой публике, имеет объективные причины: «Дело в том, что имя Куклярского было вычеркнуто из истории русской философии ещё в 1920-е годы, потом уже так получилось, что оно ещё раз было вычеркнуто из истории русской философии в 1990-е годы»²⁹. Именно М.С. Уваров одним из первых³⁰

²⁸ В книге «Град Петров в истории русской культуры» М.С. Каган дважды упоминает имя Ф.Ф. Куклярского, причём отчество философа везде указано ошибочно — Ф.А. Куклярский (Каган М.С. Град Петров в истории русской культуры. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006. С. 205, 211).

²⁹ http://www.rchgi.spb.ru/science/science_research/seminar_russian_philosophy/stenogramms/sotonin.php.

³⁰ Г.В. Соловьёва нашла отрывочные сведения о творчестве Куклярского в работах, посвящённых модернизму, вероятно, ещё прежде статей М.С. Уварова. В частности, в своей кандидатской диссертации она указывает, что ещё в 1984 году В.Н. Дуденков в книге «Философия веховства и модернизм» на с. 35 (на самом деле на с. 123) упоминает имя Куклярского. Также в статье другого исследователя М.Ф. Соловьёвой имеются данные об интересе к творчеству философа в лице Кировского библиофила и краеведа Е.Д. Петряева, который, по информации «Энциклопедии Забайкалья», в 1945–1956 годах, будучи военным врачом, служил в Чите и занимался профессиональной писательской работой, став «автором ряда фундаментальных исследований по истории культуры Забайкалья, насыщенных впервые вводимыми в читательский оборот архивными материалами. М.Ф. Соловьёва: «В тот же период эти проблемы видел и Е.Д. Петряев, о чём свидетельствуют записи его Философской тетради (начата в 60-е годы — окончена в 1987 году). В них немало обращений к творчеству В. Розанова, который не смог принять систему образования в гимназии страны и сам был не принят этой системой. Выписки из работ мыслителей, который интересовала и история философии, и история педагогики, и история науки, но они сами, по выражению Е.Д. Петряева, были в неполной «адекватности» с окружающей средой. Он рассматривает это на примере К.Э. Циолковского и профессора кафедры философии Читинского института народного образования Куклярского. Трагедия Куклярского взволновала его, и он в своих письмах пытался найти оценку его творчеству, мысли, понять причины отторжения людей науки административными структурами» (Соловьёва М.Ф. Модернизация системы образования и формирование культуры чтения // Десять Петряевских чтений. Материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 25–26 февр. 2010 г.) / Департамент культуры Киров.

²⁴ В защиту Куклярского тогда выступили А. Ремизов и Л. Шестов.

²⁵ Ср.: Е. Световидов: «Последовательно ницшеанский дискурс, очищенный от всяких чуждых фракций, эволюционировал в трудах таких крупнейших европейских мыслителей, как Эвола, Ортега-и-Гассет, де Бенуа. В России начала XX-го столетия он развивался благодаря философу Фёдору Куклярскому» (http://www.aristocrata.org/news/27/conference_svetovidov.htm).

²⁶ http://www.rchgi.spb.ru/science/science_research/seminar_russian_philosophy/stenogramms/sotonin.php.

²⁷ Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова. СПб., 1998. С. 96.

попытался серьёзно поговорить о творчестве философа в середине 1990-х годов, правда, по его словам, работа была свёрнута Русской Христианской гуманитарной академией (РХГА) из-за «антихристианства» самого Куклярского и проекта по переизданию его сочинений. Тем не менее, М.С. Уваров опубликовал несколько статей о философе, в том числе прокомментированные фрагменты его книг. Помимо этого, фигуре Куклярского было уделено внимание в двух кандидатских диссертациях (в каждой — по одному параграфу) Г.В. Соловьёвой и И.И. Толстиковой, защищённых в Санкт-Петербурге в 1997 году. На сегодня количество работ о Куклярском не превышает трёх десятков, включая энциклопедические статьи по отечественной культурологии и философии и спорадические ссылки у разных авторов.

Несмотря на явный дефицит исследований, нам представляется очевидным, что философская манера Куклярского не уступает ницшеанским образцам русского философствования — ни Леонтьева, ни Розанова, ни Шестова, ни Мережковского, ни Бердяева. По словам Г.В. Соловьёвой: «Куклярский — типичный герой своего времени, о котором хорошо сказал С.Л. Франк: «Никогда умственная жизнь не была с виду столько кипучей, как теперь, никогда не изобреталось столько новых проблем, никогда мысль не была столь радикальной и свободно-дерзновенной, — и никогда ещё не сознавалось так явно (хотя и неотчётливо), как теперь, что всё это — игрушка, забава, дело от безделья, энергия от переутомления»³¹. В этой его типичности заключается и смысл изучения его не самых талантливых на фоне Леонтьева, Розанова, Франка, Флоренского, Бердяева, философских работ, так как второй план, фон также важен для уяснения

чрезвычайно сложных культурных и философских процессов рубежа веков»³².

Творчество Фёдора Куклярского составляет поистине особую ветвь русской религиозной философии начала XX века, которая привита на ней вопреки всем остальным. Его философию инстинктивизма можно представить как разновидность философии жизни — философского течения конца XIX начала XX веков, исходящего из понятия «жизни» как некоей интуитивно постигаемой органической целостности и творческой динамики бытия, в свою очередь являющегося разновидностью более общего философского течения — иррационализма, а открытый натурализм как разновидность философии человекоборческой природы, лишь терминологически подпадающей под разновидность также более общего философского течения — натурфилософии (философии природы).

Ницшеанство Куклярского может быть названо ресентиментным постольку, поскольку оно одновременно является и эпигонски-мстительным, злопамятным к ницшевским достижениям в философии (к его философским брендам), а потому отвлечённо-аморальным, и подлинно-новаторским, вынужденным пойти на самоотравление собственной философией с тем, чтобы сказать новое «Да!» жизни и её философии, а потому творчески-деконструктивным и даже созидательно-деструктивным в логике забвения и уруинивания предшественников в традицию, в общем и целом, — перспективным.

Философия Куклярского интересна именно тем, что вскрывает философскую подноготную иррационализма и последовавшей за ним иррационалистской моды в философии — бессознательное служение злу, лжи и безобразию. Философский образ жизни Куклярского претендует на сознательное воспевание трёх нечеловеческих идеалов — без мук морального детерминизма. Его философия человекоборческой природы претендует на протестическую тенденцию в эволюции философии — на зачинание новых философий первоначал (из философского манифестирования М.Н. Эпштейна).

Нечеловеческий пафос Куклярского выдержан в строгом ресентиментном ключе — личный опыт философствования сдобрен перспективной

обл., КОУНБ им. А.И. Герцена; ред. кол.: С.Н. Будашкина [и др.]. Киров, 2010. С. 72–77. С. 73). Со своей стороны нам удалось выяснить следующее: работа Е.Д. Петряева «Философская тетрадь библиофила» (Петряев Е.Д. Философская тетрадь библиофила. Машинопись. Вятка, 1993) хранится в фонде «Документальных источников» краеведческого отдела Кировской ордена Почёта государственной универсальной областной научной библиотеки им. А.И. Герцена. Шифр Д 1821/ П 1. Сведения о Ф.Ф. Куклярском даны на лл 9–15 и содержат библиографию философа, выявленную Е.Д. Петряевым, и письма-запросы Петряева о Куклярском — В.Ф. Асмусу (1966) и А.В. Гулыге (1984).

³¹ Франк С.Л. Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. СПб., 1910. С. 339.

³² Соловьёва Г.В. Фёдор Куклярский и его философия культуры // Русская философия. Новые исследования и материалы. (Проблемы методологии и методики) / Под ред. проф. А.Ф. Замалева. СПб., 2001. С. 324.

аргументацией, — человек рано или поздно будет сменён нечеловеком, переходным звеном (мостом) к которому может стать человекоборец. Человекоборец противостоит природоборцу, чей инстинкт физического самосохранения вошёл в конфликт с инстинктом физического самосохранения природы и её естественных обитателей. Диалектика инстинктивизма Куклярского основывается на инстинкте духовного самосохранения, носители которого пока ещё бессознательно чувствуют свою разрушительную миссию. До тех пор пока человек будет сориентирован на свою биологическую, а не собственно антропологическую, константу — он останется марионеткой инстинктов, вытесненных в глубины бессознательного. Инстинкт духовного самосохранения гарантирует человечеству новую природу, которая сформируется на основе физиологических корреляций нравственных страданий. Критика «слишком человеческого» только-только получила прописку в философии в виде философии ценностей. Вслед за критикой человека, по мнению Куклярского, должна наступить эпоха homo natura.

Несмотря на гордыню победы над природой, результатом чего явилась культура, то есть культ человека, Куклярский отмечает, что «успех всегда есть зрелость поражения»³³. Таким образом, речь можно вести о ресентименте (с его господско-рабской логикой) уже между природой и человеком, сущность которого реферирует Г.В. Соловьёва: «Завоёвывая природу, человек только попадал во всю большую зависимость от неё, он всегда был и поныне остаётся её рабом. Поскольку раб всегда тяготеет к господству, то создание культуры явилось выражением этой идеи господства. Раб природы (он же тип «нормального» человека) ищет культуры, соответственно раб культуры ищет возвращения к природе («тип декадента», вырожденца, в котором проявляется «иезуитский облик инстинкта саморазрушения»). Последняя тенденция объясняется утерей непосредственной связи между человеком и природой и заменой её «суррогатом, именуемым «культурой». Такой раскол не мог не вызвать в раздвоенном человеческом существе обратную реакцию, стремление к природе. Вследствие такого дуализма, наложившего отпечаток на все поступки человека, это желание вернуться «назад, к природе» должно было заключать в себе немало патологичности. Но и это не смущает автора,

который согласен с О. Уайльдом в том, что до сих пор только аномальные проявили себя в жизни и в творчестве»³⁴.

Куклярский считает, что современный гуманизм наложил вето на дальнейшее развитие человека, которое не может быть ничем ограничено. Зло, ложь и уродство в человеке отрицаются по старой привычке моральных рабов, которая, к несчастью, перекечевала и в философию. На анализе философских направлений конца XIX — начала XX веков Куклярский показывает их нарочитый гуманистический статус, — от прагматизма до интуитивизма. Гибель человеческой цивилизации — необратимый процесс, запущенный наизнанку. Апофеозирование антиидеалов старого мира (безумия, природы, Сатаны) носит активный характер, который должен завершиться их субстанциализацией. Не пафос потусторонности положит начало нечеловеческому царству, а пафос посюсторонности «идеалогии» (термин Куклярского) зла, лжи и безобразия, — природа не проигрывает в человеке, раскрепощённом для собственной гибели.

Революционность (и даже эсхатологичность) философских воззрений Куклярского на судьбу современного ему человечества выбивается из иррациональных установок философии жизни. Философия Куклярского — это антропологическая беспочвенность, — сознательная критика в *человеческом* — человека. В отличие от имморализма Ницше, который легко редуцируется в сверхморализм для сверхчеловека, Куклярский проповедует сверхимморализм для нечеловека, грядущего на смену жалкому приспособленцу к дарвиновской гипотезе естественного отбора. Время человечества прошло именно потому, что оно предупредило в себе не-себя в виде понятийных абстракций, — сэкономило на деструктивных началах, — отсрочило свой конец в идеал-утопию. Эра нечеловечества наступит не тогда, когда число потусторонников превысит количество посюсторонников, а когда на земле больше не останется ни одного потусторонника, — когда добро, истина и красота станут повседневными.

Философия Куклярского претендует на подготовку человечества к антропологической катастрофе, итогом которой должно стать дарование

³³ Куклярский Ф.Ф. Философия индивидуализма. СПб., 1910. С. 150.

³⁴ Соловьёва Г.В. Фёдор Куклярский и его философия культуры // Русская философия. Новые исследования и материалы. (Проблемы методологии и методики) / Под ред. проф. А.Ф. Замалева. СПб., 2001. С. 326.

природе свободы («Декларация прав природы»), умаляемой смертностью человека. Человечество сможет обессмертить природу через свою гибель.

Гибель самого Куклярского оказалась не менее трагичной. По куцым биографическим данным известно, что философ работал таможенным чиновником в Сумском Посаде Архангельской губернии³⁵ (ныне — село Сумский Посад в Карелии), куда был сослан после ареста книги «Последнее слово», и около 1912 года перебрался в Санкт-Петербург (где снимал комнаты по разным адресам на Васильевском острове) по приглашению и расположению философа Василия Розанова, с которым в 1911–1913 годах вёл переписку (всего в архиве Розанова сохранилось 13 писем Куклярского). Одно время они были близки, но затем Куклярский в силу сложного характера рассорился не только с ним³⁶, но и с другими коллегами. Тем не менее,

³⁵ Благодаря архивной работе И.И.Толстиковой удалось косвенно установить данный адрес — по письму Л.И. Шестова к А.М. Ремизову: «Письмо Закржевского Ремизову от 1 декабря 1911 года. Из Киева содержит вопрос об адресе автора ставшей труднодоступной книги «Последнее слово» <...>. Адрес Ф.Ф. Куклярского стал известен из письма (видимо, ответного) Л.И. Шестова А.М. Ремизову. (См. рукописный фонд Государственной Публичной библиотеки, архив А.М. Ремизова: Архангельская губерния, Сумской Посад. Была это ссылка или поселение, неизвестно. Известно только, что он был осуждён по 73 статье Уголовного Уложения Российской Империи, пункт 1 или 2 [пункт 2 (из письма Куклярского — Розанову)]. — Прим. А.Н.]. См.: «Дополнения к своду законов Российской Империи и к продолжению 1906 года. Действующие статьи Уголовного Уложения». СПб., 1908. С. 27. Кстати, по этой же статье проходила и книга Розанова В.В. «Опавшие листья» (Толстикова И.И. Концепции кризиса культуры в русской философии начала XX века. Дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 1997. С. 132–133). Правда, И.И. Толстикова в одном месте работы (с. 132) указывает, что в 1911 году Куклярский был сослан в Архангельскую губернию после ареста «Последнего слова», а на следующей странице сообщает, что философ, проживая в селе Сумский Посад Архангельской губернии, издал подряд три книги, в том числе — «Последнее слово». По М.С. Уварову, в 1911 году Куклярский ещё не переехал в Санкт-Петербург.

³⁶ См.: «Между тем все статьи обо мне начинаются определениями: «демонизм в Р.» И ищут, ищут. Я читаю: просто — ничего не понимаю. «Это — не я». Впечатление до такой степени чужое, что даже странно, что пестрит моя фамилия. Пишут о «корове», и что она «прыгает», даже потихоньку «танцует», а главное — у неё «клыки» и «по ночам глаза светят зелёным блеском». Это ужасно странно и нелепо, и такое нелепое я выношу изо всего, что обо мне писали Мережковский, Волжский, Закржевский, Куклярский (только у Чуковского строк 8 индивидуально-верных, — о давлении крови, о температуре, о множестве сердец). С Ницше... никакого

как констатирует Т.В. Курбатова, «публикации Ф. Куклярского в 10–20 годы XX века в России остались практически незамеченными. В эпоху бурных социальных катаклизмов его способ оценки современности и попытка найти истоки трагизма культуры в дефектах гносеологического анализа вызвали только удивление и недоумение, с одной стороны, и однозначное неприятие, с другой»³⁷.

Но вернёмся в 1911 год, когда Куклярский был осуждён за свою философию религиозного бунтарства, изложенную в книге «Последнее слово» (которая была конфискована и запрещена к продаже), хотя обвинение было «по делу». По словам М.С. Уварова, «он участвовал в какой-то политической демонстрации. Его забрали в полицейский участок, но, как и в случае с Сократом, обвинение было идеологическим»³⁸. В двухстах сорока афоризмах философ в ницшеанской (и даже «зороастрийской») манере высказал богоборческие и человекоборческие мысли, причём в более эпатажной форме, чем у самого Ницше. Квинтэссенция книги представлена в заключительном эссе философа: «**240.** Прочитавши этот ряд мыслей, афоризмов и, если угодно, «парадоксов» — мой случайный читатель (*advocatus hominis*), пожалуй, вспомнит заголовок этой книги и с ноткой недоумения в голосе спросит: «*Каково же последнее слово человеку?*». Что ж! Если ты так хочешь его услышать, то оно — это маленькое словечко — давно уже ищет *открытых* ушей: «*Сгинь!*»³⁹ Стоит заметить, что впоследствии Куклярский не будет столь категоричен и изберёт антиномистический метод аргументации.

По одним данным в 1918–1919 годах (а по другим — в 1921 году) Фёдор Куклярский переезжает из Петрограда в Читту, скорее всего, по политическим причинам, потому что никогда не симпатизировал властям. Там с 1922 по 1925 годы он был председателем Философского общества при

сходства! С Леонтьевым — никакого же личного (сход.). Я только люблю его. Но сходство и «люблю» — разное» (Розанов В.В. Уединённое / Сост., вступ. статья, коммент., библиогр. А.Н. Николюкина. М., 1990. С. 237, 382).

³⁷ Курбатова Т.В. Универсальный антиномизм творчества и созерцания в философии культуры Фёдора Куклярского // Русская философия: Преемственность и роль в современном мире. Ч. 1. СПб., 1992. С. 79–81. С. 79.

³⁸ http://www.rchgi.spb.ru/science/science_research/seminar_russian_philosophy/stenogramms/sotonin.php.

³⁹ Куклярский Ф.Ф. Последнее слово. К философии современного религиозного бунтарства. СПб., 1911. С. 100.

Государственном институте народного образования (ГИНО), успев издать самую характерную свою книгу по проблеме кризиса современной культуры — «Критику творческого сознания». Согласно разысканиям Е.Д. Петряева, 1925 год значителен условно, потому что Куклярский повесился в 1923 году. Также приблизительной датой считался именно 1923 год как дата выхода последней книги «Критика творческого сознания», а И.И. Толстикова называла годом смерти либо 1924-й, либо 1925-й⁴⁰.

Информация о семье философа сохранилась в переписке с В.В. Розановым, которая хранится в архиве Розанова, в то время как сам архив Куклярского, по словам М.С. Уварова, утерян. Согласно переписке у Куклярского в Одессе⁴¹ жила молодая жена Мария Антоновна и дочь, которые навещали его в Санкт-Петербурге и на содержание которых он одалживал деньги у Розанова и часто навязчиво жаловался на свою нужду: «Вы, должно быть, знаете из опыта, до какой степени подавляет нужда...» Или: «Кроме Вас, у меня никого нет, кто мог бы понять, почувствовать ту пытку, в которую превратилась для меня “жизнь”»⁴².

Более достоверные биографические сведения содержатся в «Энциклопедии Забайкалья». Автор статьи о Куклярском — Н.Е. Дроботушенко, которая работала с анкетными материалами философа, указывает год рождения — 1888-й, а место рождения — город Таганрог. Дата смерти дана не приблизительно — 1923-й, но без указания места смерти. Эта информация подтверждается также в «Философской тетради» Е.Д. Петряева. Согласно энциклопедии⁴³, в 1906 году Куклярский окончил Керченскую гимназию (по Петряеву⁴⁴ — в Таганроге), а затем историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (поступил, по Петряеву⁴⁵, в том же 1906 году). В 1912–1920 годах Куклярский занимался общественно-литературной деятельностью, являлся сотрудником и редак-

тором петербургских журналов «Образование», «Журнал для всех», «Бюллетени литературы и жизни» и ряда газет (например, «Торгово-промышленная газета», «Свободная Россия» (статья «Культура и революция»))⁴⁶. По другим сведениям именно в 1921 году Куклярский переехал в Читу, где был принят в Государственный институт народного образования (ГИНО) преподавателем кафедры философии. В организованном им философском обществе состояло около 80 человек. Куклярский читал курсы по истории древней философии и истории педагогических идей, а также заведовал кабинетом психологии при ГИНО (разработал курс психологии, который не был утверждён).

По мнению М.С. Уварова, судьба «Федора Федоровича», как называл себя сам автор в некоторых публикациях, отнюдь не случайна «потому что такая выпренность при именовании самого себя имела глубинный внутренний смысл. Куклярский не был что называется «официальным философом», но свою философскую миссию ощущал остро. Он пытался — вольно или невольно — быть философским пророком, и это ему, на мой взгляд, неплохо удавалось»⁴⁷. Нам хорошо известны слова из «Евангелий»: «И сказал: истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своем отечестве (Лк. 4:24; Мф. 13:57; Мк. 6:4; Ин. 4:44). Однако на русской почве они получили особый смысл, сформировав целую традицию, в которой непризнанность гения-пророка является критерием его подлинного служения. В самом деле, говорит Б.Е. Гройс: «Если кто-то называет себя свиньёй, другие думают: «Вряд ли этот человек — свинья, но он определённо откровенен». Но если кто-то называет себя гением, никто не считает его откровенным»⁴⁸.

Правда, существует другая точка зрения на творчество философа-нищенца, высказанная исследователем Г.В. Соловьёвой, которая одной из первых посвятила Куклярскому параграф своей кандидатской диссертации, однако позже в статье «Фёдор Куклярский и его философия культуры»

⁴⁰ Толстикова И.И. Концепции кризиса культуры в русской философии начала XX века. Дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 1997. С. 132.

⁴¹ Сохранился одесский адрес брата Марии Антоновны — также нуждающегося чиновника.

⁴² НИОР РГБ, ф. 249, ед. хр. 3876, № 9.

⁴³ <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=3519>.

⁴⁴ Петряев Е.Д. Философская тетрадь библиофила. Машинопись. Вятка, 1993. Л. 14.

⁴⁵ Там же. Л. 14.

⁴⁶ Ф.Ф. Куклярский: «Раньше я писал в «Образовании», «Торгово-Пр. Газете» и др. изд. Либерализмом я не отличаюсь и потому сотрудничество в «Нов. Врем.» или др. изд. не сочту для себя “унизительным”» (НИОР РГБ, ф. 249, ед. хр. 3876, № 9).

⁴⁷ http://www.rchgi.spb.ru/science/science_research/seminar_russian_philosophy/stenogramms/sotonin.php.

⁴⁸ Гройс Б.Е. Под подозрением. Феноменология медиа / Пер. с нем. А. Фоменко. М., 2006. С. 62–63.

дала взвешенную критическую оценку наследию автора: «Философию Куклярского нельзя назвать ни значительной, ни оригинальной. В ней немало вздорного, вторичного, эпигонского. Она представляет собой эклектичную смесь из философии Гегеля, Ницше, Штирнера, Леонтьева, модернистской художественной литературы (Э. По, О. Уайльд) и христианской апокалиптики. Тем не менее эта непризнанная и не получившая общественного резонанса философия, возможно, именно в силу своей маргинальности, наиболее рельефно выразила некоторые типичные особенности нового нетрадиционного типа философствования, связанного с общемировыми культурными тенденциями конца XIX — начала XX века. Философ постоянно подчёркивал своё духовное родство с символизмом и декадентством, именно этим духом проникнуты все его сочинения»⁴⁹.

Например, уже в своей первой книге «Философия индивидуализма», Фёдор Куклярский выступил не как философский дебютант, а как вполне созревший мыслитель с собственным методом. Книга о каторжной мудрости — ни много ни мало. В ней Куклярский осмеливается на открытый бунт против скопческого разума, заполонившего философию и навязавшего жизни природоборческое мировоззрение. Задолго до работ французских постструктуралистов М. Фуко и Ж. Деррида философ ставит проблему человеческого безумия, а по её пафосу опережает антипсихиатрическую тенденцию 2-й половины XX века. Куклярский изначально исходит из оправдания безумия, чей творческий характер нуждается в прививке мудрости. На это способны лишь великие поджигатели, которые смогут поджечь Землю, ибо она охладилась, и создать соперницу Солнцу. Их мудрость — в их безумии, их счастье — в их страдании: «В то время когда «все кошки серы», в то время когда всеобщая сумятица поработила человека — в это время великой опасности нужно неумолимое требование, жестокое слово, нужен гигантский толчок, *нужна великая катастрофа!*»⁵⁰ Видимо, не случайно Е.Д. Петряев в письме к А.В. Гулыге от 26.9.1984, желая узнать точку зрения последнего на писания

Куклярского, а также заслуживает ли внимания его личность и следует ли искать затерянные работы философа, отмечал: «Меня как врача не оставляет мысль о неполной «адекватности» Куклярского, но подобное случалось и с Циолковским и многими другими... В одной из рецензий на «Последнее слово» отмечалось, что «психиатра книга могла бы заинтересовать...»⁵¹.

Несмотря на невольное напрашивающуюся психиатрическую редукцию, воздержимся от поспешных диагнозов-ярлыков и признаем, что Куклярский выдерживает дискурсивный тренд эпохи — борется за переоценку ценностей в самой философии, то есть выступает с критикой тех философских идолов, или призраков, которые со времён Ф. Бэкона, как бы это ни звучало парадоксальным, нелегально обосновались в теле философии (например, идол незнания — агностицизм). Во многом ресентиментный характер был присущ большинству философов конца XIX — начала XX веков, поскольку поиск философских оснований поставил под вопрос как онтологию, так и гносеологию, а в науке вообще вылился в откровенный кризис. Эта особенность русской философии давно стала её характерологической чертой — до того самобытной, что некоторые вменяют её в вину или «первородный грех». Нельзя сказать, что в западной философии не ставились подобные проблемы, но критическая масса философских произведений была явно недостаточной, чтобы в корне переломить угрожающую философии ситуацию. Поэтому будет нелишним, наряду с проблемой «богоискательства», поставить вопрос о «философоискательстве», особенно на фоне бродящего по Европе призрака «смерти философии».

Даже сейчас, когда русская философия постепенно переводится на иностранные языки, а архив философии русского зарубежья обеспечит исследовательской работой несколько поколений историков философии, в целом сохраняется по преимуществу этнографический интерес к отечественной философской традиции (и если бы только со стороны западных коллег, рассматривающих Россию в качестве философской колонии!). Не на одной персоне Фёдора Куклярского сказывается небрежение и невежество по отношению к русской мысли, когда внутренний колониализм ничуть не уступает внешнему.

⁴⁹ Соловьёва Г.В. Фёдор Куклярский и его философия культуры // Русская философия. Новые исследования и материалы. (Проблемы методологии и методики) / Под ред. проф. А.Ф. Замалева. СПб., 2001. С. 323.

⁵⁰ Куклярский Ф.Ф. Философия индивидуализма. СПб., 1910. С. 5.

⁵¹ Петряев Е.Д. Философская тетрадь библиофила. Машинопись. Вятка, 1993. Л. 15.

Конечно, о Куклярском можно отделаться формальными словами о том, что он — «один из новооткрытых русских философов начала века на волне оживления интереса к историко-культурному периоду рубежа веков»⁵². А можно сказать так, как завершила параграф о творчестве

философа И.И. Толстикова, перефразировав слова Куклярского, которые были адресованы автором К.Н. Леонтьеву: «Многие видели в нём звезду, но никто не постарался рассеять ту тяжёлую тучу замалчивания, которой она была скрыта от человечества»⁵³.

Список литературы:

1. Баммель Г.К. Рецензия на книгу «Критика творческого сознания (Обоснование антиномизма)» Ф.Ф. Куклярского // Под знаменем марксизма. 1923. № 1. С. 207–210.
2. Гройс Б.Е. Под подозрением. Феноменология медиа / Пер. с нем. А. Фоменко. М., 2006.
3. Каган М.С. Град Петров в истории русской культуры. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006.
4. Куклярский Ф.Ф. К. Леонтьев о «среднем европейце» // Новое время. 1912. 6 октября. № 13136.
5. Куклярский Ф.Ф. Критика творческого сознания. Обоснование антиномизма // Труды Философского общества при Гос. институте народного образования. Т. I. Чита, 1923.
6. Куклярский Ф.Ф. Памяти К.Н. Леонтьева: Литературный сборник. СПб., 1911 // Логос. 1912–1913. Кн. 1–2.
7. Куклярский Ф.Ф. Последнее слово. К философии современного религиозного бунтарства. СПб., 1911.
8. Куклярский Ф.Ф. Философия индивидуализма. СПб., 1910.
9. Куклярский Ф.Ф. Философия культуры. Идеалы человеческой культуры в свете трагического миропонимания. Книга 1: Культура и познание. Петроград, 1917.
10. Курбатова Т.В. Универсальный антиномизм творчества и созерцания в философии культуры Фёдора Куклярского // Русская философия: Преемственность и роль в современном мире. Ч. 1. СПб., 1992. С. 79–81.
11. Леонтьев К.Н.: pro et contra. В 2-х кн. Кн. 1 / Вступ. ст. А.А. Королькова, сост., послесл. и примеч. А.П. Козырева. СПб., 1995.
12. Петряев Е.Д. Философская тетрадь библиофила. Машинопись. Вятка, 1993.
13. Розанов В.В. Закржевский о Константине Леонтьеве // Новое время. 1912. № 13080.
14. Розанов В.В. К изданию собрания сочинений К. Леонтьева // Новое время. 1912. 16 июня. № 13024.
15. Розанов В.В. Сочинения: В 2-х т. Т. 2: Уединённое / Примеч. Е.В. Барабанова. М., 1990.
16. Розанов В.В. Уединённое / Сост., вступ. статья, коммент., библиогр. А.Н. Николюкина. М., 1990.
17. Соловьёва Г.В. Проблемы культуры в русской философии эпохи модернизма. Дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 1997.
18. Соловьёва Г.В. Фёдор Куклярский и его философия культуры // Русская философия. Новые исследования и материалы. (Проблемы методологии и методики) / Под ред. проф. А.Ф. Замалева. СПб., 2001.
19. Соловьёва М.Ф. Модернизация системы образования и формирование культуры чтения // Десятые Петряевские чтения. Материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 25–26 февр. 2010 г.) / Департамент культуры Киров. обл., КОУНБ им. А.И. Герцена; ред. кол.: С.Н. Будашкина [и др.]. Киров, 2010. С. 72–77.
20. Толстикова И.И. Концепции кризиса культуры в русской философии начала XX века. Дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 1997.
21. Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова. СПб., 1998.
22. Франк С.Л. Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. СПб., 1910.

References (transliteration):

1. Bammel' G.K. Retsenziya na knigu «Kritika tvorcheskogo soznaniya (Obosnovanie antinomizma)» F.F. Kuklyarskogo // Pod znamenem marksizma. 1923. № 1. S. 207–210.

⁵² Соловьёва Г.В. Фёдор Куклярский и его философия культуры // Русская философия. Новые исследования и материалы. (Проблемы методологии и методики) / Под ред. проф. А.Ф. Замалева. СПб., 2001. С. 323.

⁵³ Леонтьев К.Н.: pro et contra. В 2-х кн. Кн. 1 / Вступ. ст. А.А. Королькова, сост., послесл. и примеч. А.П. Козырева. СПб., 1995. С. 292.

2. Grois B.E. Pod podozreniem. Fenomenologiya media / Per. s nem. A. Fomenko. M., 2006.
3. Kagan M.S. Grad Petrov v istorii russkoi kul'tury. 2-e izd., pererab. i dop. SPb., 2006.
4. Kuklyarskii F.F. K. Leont'ev o «srednem evropeitse» // Novoe vremya. 1912. 6 oktyabrya. № 13136.
5. Kuklyarskii F.F. Kritika tvorcheskogo soznaniya. Obosnovanie antinomizma // Trudy Filosofskogo obshchestva pri Gos. institute narodnogo obrazovaniya. T. I. Chita, 1923.
6. Kuklyarskii F.F. Pamyati K.N. Leont'eva: Literaturnyi sbornik. SPb., 1911 // Logos. 1912–1913. Kn. 1–2.
7. Kuklyarskii F.F. Poslednee slovo. K filosofii sovremennogo religioznogo buntarstva. SPb., 1911.
8. Kuklyarskii F.F. Filosofiya individualizma. SPb., 1910.
9. Kuklyarskii F.F. Filosofiya kul'tury. Idealy chelovecheskoi kul'tury v svete tragicheskogo miroponimaniya. Kniga 1: Kul'tura i poznanie. Petrograd, 1917.
10. Kurbatova T.V. Universal'nyi antinomizm tvorchestva i sozertsaniya v filosofii kul'tury Fedora Kuklyarskogo // Russkaya filosofiya: Preemstvennost' i rol' v sovremennom mire. Ch. 1. SPb., 1992. S. 79–81.
11. Leont'ev K.N.: pro et contra. V 2-kh kn. Kn. 1 / Vstup. st. A.A. Korol'kova, sost., poslesl. i primech. A.P. Kozyreva. SPb., 1995.
12. Petryaev E.D. Filosofskaya tetrad' bibliofila. Mashinopis'. Vyatka, 1993.
13. Rozanov V.V. Zakrzhevskii o Konstantine Leont'eva // Novoe Vremya. 1912. № 13080.
14. Rozanov V.V. K izdaniyu sobraniya sochinenii K. Leont'eva // Novoe vremya. 1912. 16 iyunya. № 13024.
15. Rozanov V.V. Sochineniya: V 2-ch t. T. 2: Uedinennoe / Primech. E.V. Barabanova. M., 1990.
16. Rozanov V.V. Uedinennoe / Sost., vstup. stat'ya, komment., bibliogr. A.N. Nikolyukina. M., 1990.
17. Solov'eva G.V. Problemy kul'tury v russkoi filosofii epokhi modernizma. Diss. ... kand. filos. nauk. SPb., 1997.
18. Solov'eva G.V. Fedor Kuklyarskii i ego filosofiya kul'tury // Russkaya filosofiya. Novye issledovaniya i materialy. (Problemy metodologii i metodiki) / Pod red. prof. A.F. Zamaleeva. SPb., 2001.
19. Solov'eva M.F. Modernizatsiya sistemy obrazovaniya i formirovanie kul'tury chteniya // Desyatye Petryaevskie chteniya. Materialy Vseros. nauch. konf. (Kirov, 25–26 fevr. 2010 g.) / Departament kul'tury Kirov. obl., KOUNB im. A.I. Gertsena; red. kol.: S.N. Budashkina [i dr.]. Kirov, 2010. S. 72–77.
20. Tolstikova I.I. Kontseptsii krizisa kul'tury v russkoi filosofii nachala XX veka. Diss. ... kand. filos. nauk. SPb., 1997.
21. Uvarov M.S. Arkhitektonika ispovedal'nogo slova. SPb., 1998.
22. Frank S.L. Filosofiya i zhizn'. Etyudy i nabroski po filosofii kul'tury. SPb., 1910.